

Александр Восьмой

Боевик: Флаг сброшен
(Даффи Толстяк)

Александр Восьмой

Боевик: Флаг сброшен
(Даффи Толстяк)

«Автор»

2026

Восьмой А.

Боевик: Флаг сброшен (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Флаг сброшен: хроники павшего командира. История того самого командира, который верил, что служит силе, способной спасти мир, а оказался частью механизма уничтожения. Когда сирены взвыли, он понял: его «порядок» был лишь прелюдией к хаосу. Теперь он идёт по руинам, собирая отряд из изгоев, чтобы ударить по главному гнезду пришельцев. Атмосфера обречённого героизма, жестокие моральные выборы и финальная дуэль на крыше небоскрёба.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Боевик: Флаг сброшен (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Сигнал, который стёр рассвет»

Город ещё не понял, что умирает.

Рассвет был странным — не золотым, не розовым, а серым, будто небо выцвело от напряжения. Командир стоял на смотровой площадке командного пункта, привычным взглядом скользя по панораме: ровные кварталы, стальные шпили, аккуратные развязки — всё выглядело как идеальный механизм, отлаженный до последнего болта. Он верил, что этот порядок — щит, способный удержать мир от распада. Его клятва звучала твёрдо: «Я буду стоять на страже, пока не погаснет последнее солнце».

И солнце погасло — не от заката, а от сирен.

Первый вой ударил по ушам так, что в висках застучало. За ним последовал второй, третий — и вскоре воздух превратился в сплошной вой, разрывающий тишину на куски. На экранах в центре управления вспыхнули тревожные метки: десятки точек, внезапно появившихся на периферии города. Потом экраны моргнули и погасли — один за другим, как свечи на ветру.

— Связь? — коротко бросил командир, не оборачиваясь.

Ответа не было. Только треск в наушниках, похожий на скрежет когтей по металлу.

Он спустился вниз, перепрыгивая через две ступени, и вышел на улицу. Здесь уже чувствовалось что-то чужое — воздух стал тяжелее, будто в него подмешали пепел. Люди застыли посреди тротуаров, задирая головы к небу, словно ждали, что оттуда упадёт объяснение. А потом улицы начали пустеть — не постепенно, а мгновенно, как будто город сам понял: сейчас начнётся конец.

Первые разломы появились на перекрёстках. Земля трескалась с сухим хрустом, будто ломалась старая броня. Из щелей поднимался холодный пар, а следом — они.

Стальные крысы.

Они вылезали из-под земли, как кошмарный отлив, обнажающий то, что должно было оставаться скрытым. Их панцири были чёрными, с тусклым металлическим отливом, и при каждом движении издавали звук, похожий на щелчок затвора. Тысячи, десятки тысяч — они не бежали, не метались, а двигались с пугающей синхронностью, будто управляемые единым разумом.

Командир замер на мгновение — не от страха, а от осознания: это не хаос. Это вторжение. Чёткое, спланированное, безжалостное.

Рядом с ним рухнул фонарный столб — не от удара, а будто сам решил упасть, признавая бессилие перед надвигающейся волной. Осколки стекла брызнули во все стороны, и в этом звоне командир услышал нечто страшнее сирен — тишину, которая наступала следом.

Он снова попытался вызвать штаб.

— Центр, это Альфа-один. Доложите обстановку! — голос звучал твёрже, чем он чувствовал себя внутри.

В наушниках — только треск. И вдруг — короткий, сухой сигнал, а затем голос, искажённый помехами:

— Держи периметр.

И снова тишина.

«Держи периметр». Приказ, который в обычных условиях был бы рутиной. Но сейчас он звучал как приговор. Как признание того, что помощи не будет. Что он остался один на один с тем, что уничтожает город.

Командир сжал кулаки. В груди поднималась волна гнева — не на врага, а на себя. На свою слепоту. Он столько лет верил, что служит силе, способной спасти мир. Что порядок —

это добродетель, а дисциплина — щит. А теперь щит трещал по швам, и сквозь щели пробирался холод чужого мира.

«Мой порядок был лишь прелюдией к хаосу», — мелькнула мысль, острая, как осколок стекла.

Первая стальная крыса подошла к нему вплотную. Она не бросилась вперёд, не зарычала — просто остановилась, подняв голову, будто изучая. Её глаза — если это были глаза — мерцали тусклым красным светом, как угли в остывающем костре.

Командир не отступил. Он сделал шаг вперёд и выхватил клинок — не потому, что верил в его силу, а потому, что должен был сделать хоть что-то. Сталь ударилась о панцирь, высекая искры, и звук этот был громче сирен — звук сопротивления.

Крыса отступила на шаг, будто оценивая. А потом из разлома вылезли ещё десятки. И ещё. И ещё.

Периметр нужно было держать. Но что защищать, если сам город уже становился частью врага?

Командир оглянулся на рушащийся город, на пустые улицы, на небо, которое больше не обещало рассвета. И в этот момент он понял: его флаг больше не поднят высоко. Он сорван ветром, растоптан стальными лапами, сожжён в пламени сирен. Но пока он стоит на ногах, пока его сердце бьётся в такт с ритмом сопротивления, он будет держать этот периметр. Не ради приказа. Не ради системы. А ради тех, кто ещё мог быть жив в этом умирающем городе.

Сирены выли. Крысы наступали. А он стоял — одинокий, обречённый, но не сломленный.

Рассвет стёрся. Но тьма ещё не победила.

Глава 2. «Периметр, который стал ловушкой»

Периметр держался на нервах и инерции — и рушился с пугающей скоростью.

Командир стоял у баррикады из перевернутых грузовиков и обломков бетонных плит, чувствуя, как дрожит земля под ногами. Это была не дрожь от взрывов — она шла изнутри, из самой почвы, будто город превратился в живое существо, которое корчится от боли. Стальные крысы не бросались на укрепления в лоб, не тратили силы на бессмысленную ярость. Они действовали как единый организм: находили микротрещины в обороне, просачивались в них, расширяли, превращали в проломы — и снова искали следующую слабину.

— Они читают нас, — пробормотал рядом сержант, сжимая автомат так, что побелели костяшки. — Как будто знают, где мы слабее всего.

Командир не ответил. Он и сам это видел. Враг не был хаотичной ордой — он был хирургическим инструментом, который вскрывал город по линиям наименьшего сопротивления.

На командном пункте экраны давно погасли, связь рассыпалась на обрывки треска. Последние приказы приходили с задержкой, искажённые помехами, будто их передавали из другого мира. А потом и они прекратились. Остались только сирены — теперь они звучали не как предупреждение, а как насмешка.

С восточной стороны баррикада затрещала. Металл скрежетал по бетону, словно гигантский коготь царапал камень. Командир рванул туда, перепрыгивая через обломки, и успел увидеть, как стальная масса пробивает брешь. Крысы вползали в неё не беспорядочно, а по чёткой схеме: первые блокировали путь, вторые шли следом, третьи уже обходили с фланга.

— Закрыть пролом! — крикнул он, но его голос утонул в грохоте.

Рядом разорвалась граната — не их, а чужая, брошенная кем-то из своих в отчаянии. Осколки свистнули над головой, один чиркнул по плечу, оставив горячую полосу. Командир даже не поморщился — боль была слишком мелкой по сравнению с тем, что происходило вокруг.

Он огляделся и понял: они уже в окружении. Не в классическом смысле — не плотным кольцом, а рассеянной, но неумолимой сетью. Крысы не спешили добивать — они отрезали пути отхода, перекрывали коридоры, сжимали пространство, пока оно не станет слишком тесным, чтобы дышать.

Из переулка впереди донеслись крики — не боевые, а человеческие. Гражданские. Те, кто не успел уйти, прятались в подъездах, в подвалах, в заброшенных магазинах. И сейчас они оказались между молотом и наковальней: с одной стороны — стальные твари, с другой — рушащийся периметр, который должен был их защищать.

Один из бойцов подбежал к командиру, тяжело дыша:

— Там люди! В доме напротив! Они не могут выбраться — крысы перекрыли все выходы!

Командир посмотрел на пролом, на сжимающееся кольцо, на пустые частоты в наушниках. Приказ был ясен: держать периметр любой ценой. Но цена становилась невыносимой.

— Мы не можем их бросить, — сказал боец, и в его голосе звучала не просьба, а мольба.

Командир замер на мгновение. Перед глазами мелькнули лица тех, кого он клялся защищать. Его клятва была о порядке, о дисциплине, о том, чтобы стоять до конца. Но какой смысл в порядке, если он защищает пустоту?

— Отряд, за мной! — рявкнул он, нарушая прямой приказ. — Пробиваемся к гражданскому сектору!

Бойцы не колебались — они рванулись вперёд, ведомые не столько приказом, сколько отчаянной надеждой. Они прорвались через узкий проход, поливая огнём стальные силуэты, которые вырастали из темноты, как металлические тени. Каждый выстрел отдавался в груди, каждый шаг давался тяжелее предыдущего, но они двигались — потому что остановиться означало сдаться.

Они добрались до подъезда, где прятались люди. Женщины, дети, старики — все они смотрели на бойцов широко раскрытыми глазами, в которых читался не только страх, но и надежда. Командир на мгновение встретился взглядом с пожилой женщиной, прижимавшей к себе девочку. В этом взгляде было всё: благодарность, отчаяние, вопрос: «Вы нас спасёте?»

И в этот момент он понял, что подписал себе приговор. Не перед врагом — перед своими бывшими союзниками. Для них он теперь не герой, а нарушитель устава, тот, кто поставил жизнь нескольких гражданских выше стратегического периметра. Но в ту секунду, когда девочка тихо всхлипнула и уткнулась в плечо бабушки, он знал: он сделал правильный выбор. Даже если этот выбор сделает его изгоем.

Когда они вывели людей в более безопасное место, командир обернулся на руины периметра. То, что когда-то было символом защиты, теперь выглядело как могильный камень — памятник тому, во что он верил. Периметр пал. Но он не пал вместе с ним.

Стальные крысы продолжали наступать, их панцири щёлкали в темноте, как часы, отсчитывающие последние минуты старого мира. Командир сжал рукоять клинка, чувствуя, как металл впивается в ладонь. Он больше не был частью системы. Он стал её осколком — острым, опасным, но свободным.

«Я больше не служу порядку, — подумал он, глядя на горизонт, где небо сливалось с дымом. — Теперь я защищаю живых».

Сирены всё ещё выли, но теперь их вой казался ему не приговором, а вызовом. И он был готов его принять.

Глава 3. «Подземные коридоры: цена выживания»

Спуск под землю был похож на прыжок в глотку мёртвого зверя.

Лестница, ведущая в тоннели, давно проржавела, ступени прогибались под весом, а перила висели, как переломанные кости. Командир ступал осторожно, но каждый шаг всё

равно отдавался гулким эхом — и это было страшнее тишины. Потому что тишина здесь не была пустой. Она была наполнена ожиданием. И когтями.

Воздух внизу был густым, тяжёлым, пропитанным запахом сырости и озона — будто где-то рядом постоянно били молнии. Свет фонарей выхватывал из темноты куски реальности: облупившуюся краску на стенах, ржавые трубы, свисающие провода, похожие на мёртвые нервы. И следы.

Следы стальных крыс.

Они были повсюду — глубокие борозды в бетоне, царапины на металле, будто кто-то водил по стенам гигантскими гвоздями. Крысы не просто бегали по тоннелям — они изучали их, осваивали, делали своими. И это означало, что внизу нельзя было чувствовать себя в безопасности. Ни на секунду.

Командир остановился у развилки. Три коридора уходили в темноту, и ни один не обещал спасения. Он прислушался. Тишина была плотной, почти осязаемой — и в ней прятался звук, который он уже научился ненавидеть: тихий, ритмичный скрежет. Как будто кто-то неторопливо точил лезвия.

— Сюда, — прошептал он себе, выбирая путь наугад, но стараясь, чтобы в этом выборе была логика, а не паника.

Он шёл, прижимая фонарь к стволу оружия, чтобы свет падал вперёд, но не выдавал его силуэт. Каждый метр давался тяжелее предыдущего. Стены будто сжимались, потолок опускался, а воздух становился всё более вязким. Это была не просто клаустрофобия — это было ощущение, что город больше не хочет его защищать. Что он стал чужим даже под собственной землёй.

И вдруг — голос. Тихий, хриплый, но живой.

— Стой. Ещё шаг — и ты наступишь на растяжку.

Командир замер. Луч фонаря выхватил из темноты фигуру у стены — мужчину в перепачканной спецовке, с тяжёлым разводным ключом в руке. Его глаза блестели в полумраке, как у загнанного зверя.

— Кто ты? — спросил командир, не опуская оружия.

— Тот, кто знает эти тоннели лучше, чем собственную тень, — ответил мужчина. — Бывший инженер городской сети. Меня звали Игорь. А теперь я просто тот, кто ещё жив.

В его голосе не было гордости — только усталость, смешанная с горечью.

— Ты знаешь, как выбраться отсюда? — спросил командир.

Инженер усмехнулся — коротко, без веселья.

— Отсюда не выходят. Отсюда выживают. Или становятся частью стен.

Из темноты рядом с инженером показалась ещё одна фигура — подросток, худой, с огромными насторожёнными глазами. Он прижимал к груди потрёпанный планшет, экран которого мерцал тусклым светом.

— Это Макс, — сказал инженер. — Он... особенный. Видит то, чего не видят другие.

Макс не смотрел на командира — он смотрел в темноту, будто читал её, как открытую книгу.

— Они идут, — тихо произнёс он, не поворачивая головы. — Справа. Много. И они знают, что мы здесь.

Командир почувствовал, как по спине пробежал ледяной ток.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

Макс пожал плечами, будто это был самый обычный вопрос.

— Я слышу их. Не ушами. А... всем телом. Их шаги вибрируют в бетоне. Их дыхание — в проводах. Они думают не головами. Они думают стаей. И я научился слышать эту стаю.

Это звучало как бред. Но в мире, где стальные крысы вскрывали периметр, как консервную банку, это звучало как единственная правда.

Инженер кивнул в сторону бокового прохода.

— Там есть технический отсек. Старый, заброшенный. Если поторопимся — успеем до того, как они срежут нам путь.

Они двинулись вперёд — трое людей, связанных не доверием, а необходимостью. Командир шёл первым, прикрывая остальных, хотя теперь он не был уверен, кто кого защищает. Инженер знал лабиринт коридоров, Макс чувствовал приближение врага, а он... он просто умел стоять до конца.

Через несколько минут они оказались в тесном отсеке, заваленном ящиками и старыми схемами. Здесь было чуть светлее — где-то капала вода, отражаясь в лужах, как осколки луны.

— Здесь можно переждать, — сказал инженер, опускаясь на корточки и проводя пальцем по схеме на стене. — Но ненадолго. Они найдут. Рано или поздно.

Макс сел в углу, прислонившись спиной к стене, и закрыл глаза. Его пальцы слегка подрагивали, будто он ловил невидимые волны.

— Они кружат, — прошептал он. — Ищут. Но пока не видят. Пока мы — просто тень в их шуме.

Командир посмотрел на своих новых спутников — на уставшего инженера, на странного подростка, который слышал шаги врага сквозь бетон. И впервые за долгое время почувствовал не только тяжесть ответственности, но и... надежду. Не ту, что приходит с приказом, а ту, что рождается в темноте, когда рядом есть кто-то, кто не сдался.

— Расскажи мне про тоннели, — попросил он инженера. — Всё, что знаешь. Где слабые места, где можно спрятаться, а где лучше не задерживаться.

Инженер хмыкнул, будто этот вопрос был одновременно смешным и горьким.

— Тоннели — это вены города. Когда он умирал, они стали его агонией. Здесь нет безопасных мест. Есть только менее опасные. И те, где ты умрёшь быстрее.

Но он начал рассказывать — про вентиляционные шахты, про старые служебные ходы, про заброшенные станции, которые могли стать укрытиями. И с каждым словом карта города в голове командира становилась чётче. Не как план обороны, а как план выживания.

А Макс всё сидел в углу, прислушиваясь к тишине, которая была громче любого крика. Внезапно он открыл глаза и резко поднял руку.

— Тихо, — прошептал он, и в этом слове было столько страха, что даже воздух будто застыл. — Они здесь. Прямо над нами. И они спускаются.

С потолка посыпалась пыль. Где-то вдалеке раздался скрежет — такой, будто металл терли о камень с наслаждением.

Инженер выругался сквозь зубы и схватил свой ключ, как оружие.

— Есть ещё один ход, — быстро сказал он. — Старый дренажный туннель. Он узкий, грязный, но он ведёт к старой станции метро. Если пролезем — у нас будет шанс.

Командир кивнул. Времени на раздумья не было.

— Веди, — коротко бросил он.

Они выбрались из отсека, прижимаясь к стенам, стараясь не шуметь, но каждый их шаг отдавался в бетоне, как удар сердца. Спуск крыс становился всё ближе — их когти царапали металл, их панцири щёлкали, отсчитывая секунды.

Когда они добрались до люка в дренажный туннель, Макс вдруг замер, вцепившись в рукав командира.

— Подожди, — выдохнул он. — Я... я слышу что-то ещё. Не только их. Там, внизу... есть что-то большее. Что-то, что ими управляет.

Командир посмотрел ему в глаза — и увидел в них не панику, а знание. Горькое, тяжёлое, но настоящее.

— Что ты слышишь? — тихо спросил он.

— Голос, — прошептал Макс. — Не слова. А... намерение. Оно холодное. Огромное. И оно смотрит на нас.

На мгновение командир почувствовал, как под ногами дрогнула земля — не от шагов крыс, а от чего-то большего. От чего-то, что ждало внизу.

— Мы должны идти, — твёрдо сказал инженер, открывая люк. — Иначе мы станем их следующей остановкой.

Они спустились в дренажный туннель — узкий, тёмный, пахнувший гнилью и ржавчиной. Вода доходила до щиколоток, стены сжимались, а впереди была только неизвестность.

Но они шли. Потому что остановиться означало сдаться. А командир слишком долго учился не сдаваться.

Стальные крысы остались наверху, царапая бетон, будто злились, что добыча ускользнула. А внизу, в темноте, трое изгоев прокладывали путь сквозь лабиринт, который когда-то был гордостью города, а теперь стал его могилой.

Командир шёл последним, оглядываясь на каждого шага, чувствуя, как тяжесть прошлого смешивается с тяжестью будущего. Он больше не был тем командиром, который верил в порядок. Теперь он был тем, кто искал путь сквозь хаос. И каждый метр тоннеля стоил ему части себя — но он был готов платить эту цену.

Потому что впереди была не просто надежда. Впереди была цель: найти гнездо пришельцев. И ударить по нему так, чтобы даже тьма вздрогнула.

Глава 4. «Город мёртвых огней»

Они выбрались на поверхность через проржавевший люк, и мир, который они помнили, перестал существовать.

Небо было затянуто плотной пеленой дыма, сквозь которую солнце пробивалось тусклым, болезненным светом — будто умирающая лампа в пустой комнате. Город больше не дышал. Он застыл в неестественной тишине, нарушаемой лишь редким металлическим эхом — звуком, от которого кровь стыла в жилах.

Улицы были покрыты тонким слоем металлической чешуи — будто город накрыли гигантской стальной шкурой. Чешуйки поблескивали в полумраке, острые, как лезвия, и при каждом шаге хрустели под ногами, словно перемалывая саму память о прежней жизни. Воздух пах озоном и гарью — запах, который теперь ассоциировался не с грозой, а с концом света.

Командир замер на краю тротуара, оглядывая панораму, которая больше не поддавалась логике. Дома стояли, но выглядели как скелеты — окна зияли чёрными провалами, фасады были исцарапаны глубокими бороздами, будто кто-то пытался содрать с них кожу. На перекрёстке валялся перевернутый автобус, его бока были пробиты насквозь, а металл вокруг отверстий оплавлен странным, неестественным образом — не от огня, а от чего-то иного, холодного и точного.

— Это не просто вторжение, — тихо произнёс инженер, сжимая в руке разводной ключ так, будто это был талисман. — Это... перестройка. Они не уничтожают город. Они делают его своим.

Макс стоял чуть позади, его глаза были полуприкрыты, а пальцы слегка подрагивали, словно он пытался поймать невидимые волны, идущие от земли.

— Они здесь, — прошептал он, не открывая глаз. — Много. И они... смотрят. Не глазами. А всем этим местом.

И в тот же миг тишина взорвалась.

Из переулков, из подворотен, из теней между домами начали появляться они — стальные крысы. Но не те, что кишели в тоннелях. Эти были крупнее, массивнее, их панцири отливали тёмно-серым металлом с фиолетовыми прожилками, будто внутри них пульсировала чужая

энергия. «Элитные», — мелькнуло в голове командира. И он сразу понял: эти твари — не просто пехота. Это охотники.

Одна из них вышла на середину улицы — крупнее остальных, с массивными передними лапами, похожими на лезвия. Её глаза горели холодным красным светом, а панцирь был испещрён странными узорами, напоминающими схемы. Она не бросилась вперёд — она остановилась, изучая. И в этом взгляде было нечто большее, чем животная ярость. В нём был расчёт.

— Держитесь за мной, — коротко бросил командир, выхватывая клинок. — Не разбегаться. Держать строй.

Но строй рассыпался раньше, чем они успели его выстроить.

Стальные твари атаковали не хаотично — они действовали с пугающей синхронностью. Одни отрезали пути к отступлению, другие отвлекали, а третьи — самые крупные — шли прямо на командира. Они словно знали, кто здесь главный. Кто представляет угрозу.

Первая элитная крыса прыгнула, рассекая воздух лезвиями-лапами. Командир уклонился в последний момент, чувствуя, как холодный металл чиркнул по его броне. Удар был настолько мощным, что даже промах едва не сбил его с ног.

— Они целятся в лидеров! — крикнул инженер, отбивая атаку тяжёлым ключом. — Они понимают иерархию!

Макс, прижавшись к стене, кричал не словами, а звуками — короткими, резкими, будто пытался перекрыть сам ритм города.

— Их тянет к нам! — выкрикнул он. — Я чувствую, как они собираются! Они знают, что мы — угроза!

Командир видел это своими глазами. Враг не просто реагировал на движение — он анализировал. Оценивал. Вычислял. Каждая атака была частью стратегии, каждый манёвр — звеном в цепи, которую они плели вокруг отряда.

Бой превратился в кошмарный танец смерти. Инженер крушил панцири тяжёлыми ударами, Макс метался между укрытиями, предупреждая о новых атаках, а командир держался в центре, принимая на себя основной удар. Его клинок высекал искры из стальной брони, но каждый раз, когда лезвие встречало металл, он чувствовал, как слабеет надежда на победу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.